

Молчание и конструктивная рефлексия как аттракторы коммуникации и когниции

Silence and Constructive Reflection as Attractors of Communication and Cognition

DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-4-23-28

Получено: 03 июня 2022 г. / Одобрено: 11 июня 2022 г. / Опубликовано: 25 августа 2022 г.

И.С. Папуша

Д-р филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой славянской филологии
и культуры коммуникации Московского
государственного областного университета,
Россия, Москва

I.S. Papusha

Doctor of Philology, Senior Lecturer,
Head of the Department of Slavic Philology
and Culture of Communication,
Moscow State Regional University,
Moscow, Russia

Аннотация

В статье рассматривается роль молчания и конструктивной рефлексии в процессах коммуникации и когниции, их взаимодействие и взаимообусловленность, а также проявление в разных отрезках динамических структур. Феномен молчания представлен в системе «докоммуникативное — коммуникативное — посткоммуникативное», что позволяет вычленить момент возникновения конструктивной рефлексии как обязательного условия для приращения нового знания.

Ключевые слова: молчание, конструктивная рефлексия, клиповое сознание, коммуникация, когниция.

Abstract

The article examines the role of silence and constructive reflection in the processes of communication and cognition, their interaction and interdependence, as well as the manifestation of dynamic structures in different segments. The phenomenon of silence is presented in the “precommunicative — communicative — postcommunicative” system, which allows us to isolate the moment of the emergence of constructive reflection as a prerequisite for the increment of new knowledge.

Keywords: silence, constructive reflection, clip consciousness, communication, cognition.

Введение

Молчание и конструктивную рефлексия в процессах коммуникации / когниции, на первый взгляд, можно считать их фазами. Однако исследования показывают сложный характер взаимодействия и взаимообусловленности этих явлений. Феномен молчания в силу своей многоаспектности является объектом исследования таких дисциплин, как психология, философия, теология, религиоведение, литературоведение, культурология, этнография, лакунология, паузология, силентика и т.д. Такой солидный перечень областей научного знания свидетельствует о том, что, если мы рассматриваем молчание как значимый элемент коммуникации, то оно в речевом акте демонстрирует проявленность / непроявленность мысли, чувств, реакции, отношения и т.п. Вербалика, невербалика, молчание, на наш взгляд, — составные части любого речевого акта, и содержание любой из них зависит как от внешних, так и от внутренних факторов, сопровождающих речевой акт. Молчание может быть и максимально и минимально значимым и выразительным, может быть актуализировано, акцентировано, нейтрально — его функции подробно описаны в работах Н.Д. Арутюновой, К.А. Богданова, А.А. Власовой, Е.П. Иванян, Е.М. Мартыновой, С.В. Меликян, С.Е. Поляковой и др.

Постановка проблемы

В то же время молчание является «буферной зоной» между коммуникацией и когницией, между общением и получением знания, между потоком инфор-

мации и трансформацией системы знания. Но метаморфозы в этой зоне возможны только в том случае, если молчание модифицировано конструктивной рефлексией, которая, в свою очередь, не только позволяет накапливать, систематизировать, классифицировать знание, но и «выкристаллизывает» его. И такое знание превращается в платформу для дальнейшего повышения качества коммуникации. Высокое качество коммуникации определяется, на наш взгляд, уровнем концептуальности мышления, где концепт «играет роль посредника между культурой и человеком, реализуясь в языке, являющемся средой, в которой происходит понятийная репрезентация общекультурных концептов» [19, с. 69]. Но без конструктивной рефлексии, которую мы понимаем как «один из видов и даже методов познания, главной особенностью которого является направленность на само знание, на процесс его получения» [4, с. 17], на концепт не выйти.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (наблюдение, описание, моделирование); общелогические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия и т.д.); герменевтический метод метатеоретического уровня. Мы, базируясь на аксиоматическом методе исследования, определённые постулаты наших предшественников принимали без доказательств, но предположили (гипотетический метод), что конструктивная рефлексия в «литорали» молчания является точкой бифуркации системы знания.

Вербальное / невербальное мышление

Можно предположить, что молчание нужно рассматривать в системе «докоммуникативное — коммуникативное (в речевом акте) — посткоммуникативное», что позволит уточнить особенности его природы в каждом фрагменте целостности. Так докоммуникативное молчание напрямую связано с невербальным мышлением, т.е. с той фазой, когда мысль ещё не оформлена в слово — «понимаю — сказать не могу». Этот этап хорошо демонстрирует А.Т. Кривоносов в своей работе «Философия языка»: «Мысль выступает более простым образованием, чем язык, и способна двигаться вне и поверх знаков. Приоритет языкового знака поэтому относителен и с ним существуют потенциально готовые занять его место визуально-графические, мимические и смешанные формы, а также разнообразные фигуры умолчания. Заложённое в языке знание размыто, стёрто и наслоено актуальной языковой функцией» [6, с. 201]. И далее: «Именно мышление только на уровне нейронных механизмов, без языковых знаков, есть собственно наше повседневное мышление. Может быть, это частично совпадает с тем, что обычно называют “внутренней речью”, в которой присутствуют неясные и расплывчатые образы языковых знаков».

В работе, посвящённой психофизиологическому исследованию внутренней речи как механизма мышления, доктор психологических наук, профессор Александр Николаевич Соколов, один из старейших сотрудников Психологического института РАО, писал: «В подобной редуцированности словесных высказываний и заключается одна из характерных особенностей наглядного мышления. В ситуации наглядного мышления нет необходимости в вербализации всего воспринимаемого. И в силу этого внутренняя речь функционирует обобщенно и фрагментарно, она лишь направляет процессы зрительного анализа и синтеза и вносит в них коррективы. При наглядном мышлении вербализация всего воспринимаемого не только была бы излишней, но и крайне замедляла бы мыслительную деятельность переводами в словесный код того, что отчетливо и ясно воспринимается и фиксируется человеком» [16, с. 88].

Надо отметить, что одним из видов невербального мышления является художественно-образное (объёмное) мышление, и оно как вид невербального мышления и специфическая способность человеческого сознания создавать / воспринимать произведения искусства и эстетические объекты действительности противопоставлено вербальному (знаковому, линейному) мышлению. Александр Афанасьевич Потёбня, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, в XIX в. писал о не-

совпадении области языка с областью мысли: «Творческая мысль живописца, ваятеля, музыканта невыразима словом и совершается без него, хотя и предполагает значительную степень развития, которая дается только языком, <...> в математике, науке совершеннейшей по форме, человек говорящий отказывается от слова и делает самые сложные соображения только при помощи условных знаков» [11, с. 80].

Клиповое мышление

В эпоху Интернета и социальных сетей в геометрической прогрессии нарастает эскалация «нового типа» мышления — клиповое мышление. И на смену языковой картине мира приходит клиповая, фрагментарная картина мира, порой не требующая никаких слов, никакого обдумывания, никакой рефлексии, никакой целостности. Нельзя не согласиться с профессором Натальей Аркадьевной Герасименко, утверждающей, что «человек вершит свою судьбу сам, он создает мир, в котором живёт, и от человека зависит, каким будет этот мир» [1, с. 18]. Клиповое мышление преимущественно в невербальной форме позволяет быстро усваивать информацию по образцам и защищает от информационной перегрузки, но при таком мышлении в восприятии информации решающую роль играют зрительные образы, чувства, эмоции. Вербализованные «клипы», навязанные СМИ, рекламой, социальными сетями и т.п., воспринимаются как «мысли», которые принимаются за свои, с полной уверенностью в собственном выборе; манипулятивные техники воздействуют на человека с большей результативностью.

Но самым значимым, на наш взгляд, отрицательным фактором клипового сознания является то, что *носитель языка / мышления не формирует свою мысль (идею), а использует мемы* (или мимы — от англ. meme). Британский биолог Ричард Докинз, вводя это понятие в книге «Эгоистичный ген» (1976), считал мимы устойчивыми элементами человеческой культуры, которые передаются по каналу лингвистической информации и являются «живыми структурами на только в метафорическом, но и в техническом смысле» [3, с. 262]. Мимы, подобно вирусу, самореплицируются с невероятной скоростью и передаются от человека к человеку путём имитации. Согласимся с автором предисловия к первому изданию Б.М. Медниковым, который писал: «Примеры мимов, аналогичных генам — “мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлёбки или сооружения арок”. От себя добавлю: а также слова и способы их сочетания, теории Коперника, Дарвина и Эйнштейна, религии со всеми их молитвами и обрядами, диалектический материализм и т.д. и т.п. <...> Подобно тому как наши гены расположены в

хромосомах, мимы локализованы в человеческой памяти и передаются из поколения в поколение с помощью слов — произнесённых или написанных» [10, с. 11]. Заметим, что в исследованиях встречаются оба варианта этого термина — «мем» и «мим», но если это связано с памятью, то более логичен термин «мем» (от латинского *memoria*).

Игроки одной из команд КВН не так давно показали сценку, где герои разговаривают друг с другом мемами как прецедентными текстами определённых социальных групп. Так, девушка с претензией на некоторую «интеллектуальность» репрезентирует мемы социальных сетей: «Меня сложно найти, легко потерять и невозможно забыть!», «Если у человека есть “Зачем?”, он вынесет его в “Как?”», «Если кто-то не ценит вашего присутствия, подарите ему возможность наслаждаться вашим отсутствием», «Ошибается каждый, признаёт ошибки мудрый, просит прощения сильный, восстанавливает отношения любящий». Парень паритует «пацанскими» мемами, десятилетия живущими в среде российского обывателя: «За друга — рвать, за девушку — бить, за брата — стрелять, за мать — казнить», «Тепла и уюта в хату!», «Самолёт пролетает — хавчик прикрой!», «Пообещал — сделал, не можешь сделать — не обещай!», «Душе свободу!» и т.д. И эта сценка хорошо демонстрирует вирусный характер мема, с одной стороны, и дифференцирующую функцию мема в социуме, с другой. Увы, современные Элочки-людоедки думают мемами, общаются мемами, реагируют мемами...

Даже при понятийном типе мышления носители языка часто используют в речи стереотипы, штампы, клише — с их помощью в рамках национального языка формируется языковая картина мира (ЯКМ). «И это естественно: человеку в процессе повседневного общения нет времени для особого языкотворчества, и он в громадном большинстве случаев пользуется готовыми фразами. Язык наш часто помогает нам не думать» [21, с. 131]. Но при клиповом сознании стереотип трансформируется в мем — в лингвоментальный вирус — и становится единственным возможным средством ретрансляции чужой сентенции, чужой идеи, чужого крылатого выражения и т.д.

Только тогда, когда начинается работа со смыслами, носитель языка / мышления попадает в пространство когниции, в пространство конструктивной рефлексии. «Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять», — писал советский психолог и философ, член-корреспондент Академии наук СССР, действительный член АПН РСФСР Сергей Леонидович Рубинштейн [14, с. 317]. Полагаем, что именно **потребность что-то понять и есть конструктивная рефлексия**. Понимание — и цель и результат мыслительной деятельности, но

потребность понять — первична. Конструктивная рефлексия — предфаза мыслительной деятельности, которая протекает в виде умственных операций (анализа, синтеза, сравнения, абстракции, обобщения, конкретизации и систематизации). Но конструктивная рефлексия — её первопричина. И если понимание попадает на пересечение процессов познания и мыслительной деятельности, то образование понятий — результат умственных операций, следовательно, оно формируется по законам логики и развёртыванию линейной структуры, т.е. средствами языка: понимание — форма мышления, выражаемая словом.

Академик Борис Александрович Серебренников, рассматривая мышление как познавательную деятельность и усматривая в мышлении высшую её форму, писал: «Мышление характеризуется не изоляцией от других компонентов познавательной деятельности, но и их охватом, своеобразным сочетанием и взаимодействием между ними. Мышление осуществляется не только в сфере абстрактно логического познания, но и в сфере познания чувственного, а в пределах последнего осуществляется материалом образов восприятия, понятия и воображения» [15, с. 189]. Заметим, однако, что если эти образы воображения не будут тарифованы рефлексией, то и смыслы, которые они содержат, могут быть сродни «семантическому террору». Например, лингвоцид русского языка на Украине стал причиной странной идентификации понятия «человек» в украинском языке-новом, сконструированном на базе немецкого, польского и латинского языков в конце XIX — начале XX в.: не *кожа*, а *шкура* (шкура, как у скота), не *кровать*, а *лїжка* (лѐжка, как у зверя), не *единодушно*, а *одностаїно* (стая — общность животного мира), не *вместе*, а *гуртом* (из польск. *hurt* «стадо», «загон для овец»), не *бедро*, а *стежно* (от др.-в.-нем. *stechen* «колоть», др.-в.-нем. *stahhula* «шип, жало»; далее *стегать* — бить скотину по соответствующему месту, подгоняя её), не *обманывать*, а *брехать* (гавкать, как собака) и т.д. Полагаем, что при наличии конструктивной рефлексии, наши соседи-братья намного раньше поняли бы, в какую игру их втянул коллективный Запад.

Однако клиповое мышление — выбор цивилизации, следовательно, отменить, запретить его, бороться с ним бессмысленно, значит, надо искать способы и средства, которые позволят нивелировать его негативные факторы.

Молчание в довербальной коммуникации и в рамках речевого акта

Молчание в довербальной коммуникации обусловлено объективной причиной — непроявленностью

слова-знака. Но «коммуникативная ценность незнакового мышления огромна. Это не отсутствие сообщения, а, напротив, его уплотнение, сжатие, доведённое до предела редуцирование знаковых сигналов при сгущении мысли. Неязыковое мышление — это не потенциальный, а реальный носитель информации» [6, с. 107].

Молчание в объёме речевого акта многофункционально и многозначимо, но при следующих условиях:

- «осознанное и намеренное использование молчания со стороны отправителя;
- осведомленность получателя о намеренном характере молчания,
- обладание отправителем и получателем общим знанием относительно значения молчания» [12, с. 90].

Молчание-текст содержит актуальную информацию как для продуцента, так и для реципиента, если они находятся в общей действительности. Я.В. Шабанова отмечает, что в речевом акте «молчание немислимо без речи, а речь (вербальная или невербальная) немислима без молчания» [18, с. 184]. В рамках речевого акта молчание — речевая стратегия, направленная на достижение определённых целей. За счёт неё можно продемонстрировать разнообразные чувствосостояния (гнев, обиду, досаду, страх, понимание / непонимание и т.п.). «Молчание — знак согласия» — гласит русская пословица, хотя в отдельных речевых актах молчание может быть и знаком несогласия. Молчание в коммуникации может быть проявлением мудрости, расчётливости, уважения / неуважения и т.д. Системная классификация функций молчания представлена в исследовании С.В. Крестинского «Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе» [5, с. 34–37]. Система функций молчания как индикатора аномальных коммуникативных ситуаций изложена в исследовании Е.М. Мартыновой «К вопросу о соотношении понятий “молчание”, “тишина”, “паузы”» [9, с. 145–148].

Посткоммуникативное молчание и конструктивная рефлексия

Посткоммуникативное молчание — скрытая потребность человека (в системе потребностей Вэнса Паккарда — это первая, базовая, ступень). Надо заметить, что если эмоциональную безопасность (так называется эта ступень в переводе) рассматривать с позиций личности (см. пирамиду потребностей человека по Маслоу), то её можно определять в русле психологической науки в соответствии с принципами органичной коммуникации, при которой коммуниканты пребывают в комфорте на всех этапах, соблю-

дают нормы адекватного взаимодействия, свободно и бесконфликтно обмениваются информацией, не переходят на личности и не отрицают ценности друг друга, умеют находить компромиссы и т.д. И это — в процессе коммуникации. Поэтому, если мы говорим о посткоммуникационном молчании, то, на наш взгляд, эту ступень надо соотносить с потребностями индивида, т.е. когда человек находится наедине с собой, когда чужие слова, реплики, мнения, оценки, сарказм, ирония и т.п. «выключены», а чувствование мира минимизировано. Состояние такого молчания можно уподобить тишине, которая находится за пределами коммуникативной интеракции и есть суть бытия. Полагаем, что в этой фазе у человека, освобождённого от «семантического террора» (термин Р.О. Якобсона и Н.С. Трубецкого) и «демократического шума» (термин С.Г. Кара-Мурзы), только и возможно возникновение конструктивной рефлексии, в процессе которой человек способен контролировать и анализировать поступающую информацию, «фильтровать» её, сепарировать, отсеивая сомнительную, и делать осознанный выбор актуальной информации, заслуживающей внимания. Психология занимается исследованием личностной (субъективной) рефлексии — самопознание, самоанализ, самоосознание и т.п. Но мы вслед за французским католическим мыслителем, выпускником Сорбонны, доктором естественных наук Пьером Тейяр де Шарденом, говорим о рефлексии как об инструменте получения знания и единственном средстве и условии осознавать эти знания, перманентно переводя имплицитную информацию в эксплицитную, — «в человеке резюмируется всё, что мы познаём» [20, с. 122], т.е. мы говорим об объективной рефлексии, которую, по учению Джона Локка, можно определить как «наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность» [8, с. 129]. Как отмечал Лев Николаевич Толстой, «знание только тогда знание, когда оно приобретено усилиями своей мысли, а не памятью» [17, с. 154].

В рамках темы статьи нам потрафил слоган радиостанции «Говорит Москва» — «Слушать. Думать. Знать»: два речевых действия предшествуют мыслительному процессу, в результате которого и происходит переход из области коммуникации в область когниции (от лат. *cogitatio* — мышление, размышление). Полученная в коммуникации информация — потенциальна, и поэтому, не пропущенная через фазу посткоммуникативного молчания и конструктивной рефлексии, она сама по себе не рождает новое знание. «В результате рефлексии её объект — система знаний — не только ставится в новые отношения, но достраивается и перестраивается, то

есть становится иным, чем он был до процесса рефлексии» [7, с. 266].

Выводы, заключение

Полагаем, что в посткоммуникативном молчании конструктивной рефлексии предшествуют первичное восприятие информации, полученной в коммуникативном акте (чувствование), её обобщённо-образная «схема», первичное осмысление воспринимаемого, моделирование понятия, его сущностное осознание, поиск системы, поиск позиции в системе. А результатом конструктивной рефлексии должна стать новая целостность картины мира. Неотрефлексированное слово не только искажает смыслы, но и не позволяет нашему мышлению распознавать те информационные паттерны, которые «инфицируют» сознание, которые влияют на целостность картины мира, на системные причинно-следственные связи внутри неё, которые не нагружают «бытие предмета добавочными смыслами» [2, с. 12].

Литература

1. Герасименко Н.А. Хронотоп нереального в художественном тексте [Текст] / Н.А. Герасименко // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». — 2013. — № 6. — С. 15–18.
2. Герасименко Н.А. Синтаксис дневниковых записей И.А. Бунина [Текст] / Н.А. Герасименко // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия «Русская филология». — 2020. — № 4. — С. 7–14.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген [Текст] / Р. Докинз. — М.: АСТ, 2020. — 512 с.
4. Корнилова Т.В. Методологические основы психологии [Текст] / Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов. — СПб.: Питер, 2006. — 320 с.
5. Крестинский С.В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе [Текст] / С.В. Крестинский // Вестник ТВГУ. Серия «Филология». — 2011. — Вып. 1. — С. 34–37.
6. Кривоносов А.Т. Философия языка [Текст] / А.Т. Кривоносов. — М.: Азбуковник, 2012. — 788 с.
7. Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание [Текст] / В.А. Лекторский. — М.: Наука, 1980. — 358 с.
8. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении [Текст] / Дж. Локк. — М.: Мысль, 1985. — С. 78–582.
9. Мартынова Е.М. К вопросу о соотношении понятий «молчание», «тишина», «паузы» [Текст] / Е.М. Мартынова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2014. — № 5. — С. 145–148.
10. Медников Б.М. Предисловие к первому изданию (1993) [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.ru/17_112002_bm-mednikov.html (дата обращения: 15.04.2022).
11. Потебня А.А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. — М.: Высшая школа, 2004. — 344 с.
12. Почепцов Г.Г. Молчание как знак [Текст] / Г.Г. Почепцов // Анализ знаковых систем. — Киев, 1986. — С. 90–98.
13. Радищев А.Н. О человеке, о его смертности и бессмертии [Текст] / А.Н. Радищев // ПСС. Т. 2. — М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. — С. 39–145.
14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2001. — 720 с.

Если допустить, по аналогии с актом коммуникации, где общение «представляет собой постоянное взаимодействие речевых актов молчания и других речевых действий в различных пропорциях» [18, с. 183], что посткоммуникативное молчание должно быть в парадигмальных отношениях с конструктивной рефлексией, то оно способствует возникновению нового знания. Конструктивная рефлексия — единственный способ найти новый ракурс того или иного объекта онтологической реальности, следовательно, её можно считать и «вакциной» против вирусомемов, и тем механизмом, который позволит нивелировать все минусы клипового мышления и акцентировать внимание на понятиях как реперных точках, позволяющих развивать латеральное, творческое мышление. Таким образом, посткоммуникативное молчание, рождающее конструктивную рефлексия, совместно с ней осуществляет переход коммуникации в когницию, в результате чего новое знание может стать предпосылкой последующей коммуникации иного качественного уровня — «сему стремлению к

15. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление [Текст] / Б.А. Серебренников. — М.: Наука, 1988. — 242 с.
16. Соколов А.Н. Психофизиологическое исследование внутренней речи как механизма мышления [Текст] / А.Н. Соколов // Психология мышления: хрестоматия по общей психологии. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — 400 с.
17. Толстой Л.Н. На каждый день. Учение о жизни, изложенное в изречениях. Март [Текст] / Л.Н. Толстой // ПСС. — Т. 43. — М.-Л.: Государственное издательство, 1929. — С. 120–180.
18. Шабанова Я.В. Речевой акт «Молчание» в структуре вербальной и невербальной коммуникации [Текст] / Я.В. Шабанова // Язык, коммуникация и социальная среда. — 2007. — Вып. 7. — С. 183–192.
19. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации [Текст]: монография / В.М. Шаклеин. — М.: ФЛИНТА, 2012. — 301 с.
20. Шарден П. Феномен человека [Текст] / П. Шарден. — М.: Наука, 1987. — 239 с.
21. Щерба Л.В. Литературный язык и пути его развития [Текст] / Л.В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — С. 130–140.

References

1. Gerasimenko N.A. Khronotop nereal'nogo v khudozhestvennom tekste [Chronotope of the unreal in a literary text]. *Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya»* [Vestnik MGOU. Series "Russian Philology"]. I. 6, 2013, pp. 15–18.
2. Gerasimenko N.A. Sintaksis dnevnikovykh zapisey I. A. Bunina [Syntax of diary entries by I.A. Bunin]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology]. 2020, I. 4, pp. 7–14.
3. Dokinz R. *Egoistichnyy gen* [Selfish gene]. Moscow: AST Publ., 2020. 512 p.
4. Kornilova T.V., Smirnov S.D. *Metodologicheskie osnovy psikhologii* [Methodological foundations of psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2006. 320 p.
5. Krestinskiy S.V. Molchanie kak sredstvo kommunikatsii i ego funktsii v yazykovom diskurse [Silence as a means of com-

- munication and its functions in language discourse]. *Vestnik TVGU. Seriya «Filologiya»* [Vestnik TVGU. Series "Philology"]. 2011, I. 1, pp. 34–37.
6. Krivososov A.T. *Filosofiya yazyka* [Philosophy of language]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2012. 788 p.
  7. Lektorskiy V.A. *Sub'ekt. Ob'ekt. Poznanie* [Subject. An object. Cognition]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 358 p.
  8. Lokk Dzh. *Opyt o chelovecheskom razumenii* [Experience of human understanding]. Moscow: Mysl' Publ., 1985, V. 1, pp. 78–582.
  9. Martynova E.M. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «molchanie», «tishina», «pauzy» [On the question of the relationship between the concepts of "silence", "silence", "pauses"]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University]. I. 5, 2014, pp. 145–148.
  10. Mednikov B.M. *Predislovie k pervomu izdaniyu (1993)* [Preface to the first edition (1993)]. URL: https://studopedia.ru/17_112002_bm-mednikov.html (accessed 15 April 2022).
  11. Potebnya A.A. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2004. 344 p.
  12. Pocheptsov G.G. Molchanie kak znak [Silence as a sign]. *Analiz znakovykh system* [Analysis of sign systems]. Kiev, 1986, pp. 90-98.
  13. Radishchev A.N. *O cheloveke, o ego smertnosti i bessmertii* [About a person, about his mortality and immortality]. PSS, V. 2. Moscow: Akademii Nauk SSSR Publ., 1941, pp. 39–145.
  14. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2001. 720 p.
  15. Serebrennikov B.A. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i myshlenie* [The role of the human factor in language: Language and thinking]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 242 p.
  16. Sokolov A.N. *Psikhofiziologicheskoe issledovanie vnutrenney rechi kak mekhanizma myshleniya* [Psychophysiological study of inner speech as a mechanism of thinking]. *Psikhologiya myshleniya: khrestomatiya po obshchey psikhologii* [Psychology of thinking: a reader in general psychology]. Moscow: MGU Publ., 1981. 400 p.
  17. Tolstoy L.N. *Na kazhdyy den'. Uchenie o zhizni, izlozhennoe v izrecheniyakh. Mart* [For every day. The doctrine of life, set forth in sayings. March]. PSS, V. 43. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1929, pp. 120–180.
  18. Shabanova Ya.V. Rechevoy akt «Molchanie» v strukture verbal'noy i neverbal'noy kommunikatsii [Speech act "Silence" in the structure of verbal and non-verbal communication]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, communication and social environment]. Voronezh: VGU Publ., 2007, I. 7, pp. 183–192.
  19. Shaklein V.M. *Lingvokul'turologiya: traditsii i innovatsii* [Linguoculturology: traditions and innovations]. Moscow: FLINTA Publ., 2012. 301 p.
  20. Sharden P. *Fenomen cheloveka* [The phenomenon of man]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 239 p.
  21. Shcherba L.V. *Literaturnyy yazyk i puti ego razvitiya* [Literary language and ways of its development]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1957, pp. 130–140.